

Юлия Гончарова

Завтра
наступит
вчера

Психологический Триллер

Юлия Гончарова

Завтра наступит вчера

Серия «Завтра наступит вчера», книга 1

<https://litres.ru/71544850>

SelfPub; 2026

Аннотация

Яна приходит в себя в психиатрической лечебнице, скованная ремнями. Она не помнит своего имени, как сюда попала и почему медперсонал называет её буйной пациенткой.

Больница напоминает ад: таблетки, стирающие личность, жуткие санитары, соседка, предсказывающая смерть. Единственный, кто жалеет Яну, – медбрат Сергей.

Но потом Яна просыпается... дома. Только это не спасение. Это ловушка.

Вместо страшной палаты с решётками – загородный дом в элитном посёлке. Вместо странного главврача – любимый муж, серьёзная работа, надёжный напарник и отец, который вот-вот приедет в гости. Всё как всегда, кроме того, что повторение событий создает ощущение замкнутого круга, из которого необходимо выбраться живой.

Главная героиня сталкивается с предательством. Ей предстоит выяснить истинные мотивы угрозы нависшей над ней и ее семьей.

Яна рвётся к правде, распутывая клубок необъяснимых событий, в котором она оказалась.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	47
Глава 4	56
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Юлия Гончарова

Завтра наступит вчера

Глава 1

- Она вообще живая?
- Она под лошадиной дозой анксиолитиков.
- Да, устроила погром. Что с ней? Буйная?
- Поступила на днях. Утверждает, что её убили!
- Убили? Как это?

Сквозь гул в ушах слышу противный смешок с хрюканьем.

- Крыша поехала.
- Жаль. Такая красивая девушка.

Чувствую тепло. Рука, скользнув под халат, ложится на левую грудь и сжимает её.

- Я бы с ней зажёг! – понижает голос хрюкающий.
- Руки убери, извращенец! Да, симпатичная. Но, как видишь, красотки тоже сходят с ума. Она главврачу чуть ухо не откусила.

«К горлу подкатывает. Сейчас вырвет. Почему так плохо? Не могу пошевелить руками и ногами. Какие тяжёлые веки. Где я? Две головы нависают над моим лицом. Мужчины в белом. Боже, как плохо!»

– Подвинь утку, её сейчас стошнит. Вот чёрт! Набок разверни.

– Как я её поверну? Она привязана!

– Голову подвинь к краю!

– Давай, давай. Вот так. Смотри, чтоб не захлебнулась.

Собираю все силы и, вглядываясь в лица людей в белом, спрашиваю:

– Где я?

Горечь во рту вызывает очередной позыв к рвоте. Отплываюсь и морщусь от вкуса желчи.

– Дайте воды, – шепчу, тяжело дыша.

Сердце колотится. Голова гудит. Всё кружится и плывёт. Пытаюсь поднять правую руку, чтобы вытереть рот. Не получается.

– Голову приподними ей.

Тёплая вода с противным запахом хлорки смывает горечь и приводит в чувство. Зажмуриваю глаза что есть силы и раскрываю их так широко, насколько могу. Мужчины молча стоят с двух сторон.

– Где я? – повторяю вопрос.

– Ты в психиатрической больнице.

– Что с моими руками?

– Ничего с твоими руками. Ты привязана, потому что принесла пол-отделения.

– Почему я здесь? – ничего не понимая, пытаюсь сфокусировать взгляд на одном из стоящих.

– Вопросы будешь задавать врачу.

– А вы кто? – Чувствую, что теряю силы и закрываю глаза. Слабость охватывает всё тело. В ушах звенит. Проваливаюсь в темноту.

Первое, что слышу, когда прихожу в себя – это гул и щелчки. Осторожно открываю глаза. На потолке гудит и моргает лампа. Холодно. Всё тело болит. Руки и ноги привязаны к кровати. Приподнимаю голову – никого. В палате с крашенными в синий цвет стенами я одна. Дверь – железная, с небольшим круглым окошком.

– Пожалуйста, – хриплю, – пожалуйста, помогите.

Слёзы по вискам стекают на серую замызганную подушку. Во рту пересохло. Время тянется. Не чувствую ног. Улавливаю мелодию гудящей лампы.

«Какая-то монотонная параноидальная драма».

Слышу поворот ключа и скрип открывающейся двери.

– Ну, ты как? – Бородатое лицо с зелёными глазами расплывается в улыбке надо мной.

– Помогите! – мой хриплый голос едва пробивается через ссохшийся рот и вязкие слюни, склеившие губы.

– Я тебя переведу в палату. Только давай спокойно. – Бородатый отвязывает мои руки и ноги. – Иначе... – недоговорив, он подхватывает меня сильными руками подмышки и поднимает с кровати. – Идти сможешь?

Машу утвердительно головой и пытаюсь сглотнуть, но всё пересохло, кажется, до самого желудка.

Медбрат крепко обхватывает за талию, кладёт мою руку себе на плечо. Он почти несёт меня. Ноги не слушаются и волочатся по полу. Только иногда успеваю попасть в темп шага несущего.

«Наверное, сейчас ночь».

Длинный, тускло освещённый коридор оказывается пуст. Двери, встречающиеся по обе стороны, закрыты. Мы движемся быстро. Я чувствую его тяжёлое дыхание и терпкий запах сигаретного дыма, смешанного с ароматом мужского парфюма.

– Пришли. – Он опускает меня на лавку возле железной двери, достаёт связку ключей и, выбрав нужный, открывает замок.

Затем поднимает меня со скамейки и, закинув на плечо, как скрученный ковёр, затаскивает в комнату. Темно. Кидаёт на кровать. Железная сетка прогибается и противно скрипит под тяжестью моего тела. Бородатый удаляется, заперев за собой дверь. Лёжа на спине, глядя в темноту. Жду. Чего именно не понимаю, но жду.

«Человек вообще странное существо: всё время чего-то ждёт. Как я здесь оказалась? Что со мной случилось?»

Напрягая память, пытаюсь вспомнить хоть что-то.

Неожиданно в сознании мелькает картинка, как в бешенстве кусаю человека. Чувствую вкус крови во рту. Меня скручивают и волокут по коридору. Колени больно бьются о каменный пол. Противное хрюкающее лицо нависает надо

мной. Его рука лезет под мой халат.

Кашель возвращает мысли из обрывков страшных воспоминаний в реальность. В небольшое окошко надо мной пробиваются первые лучи солнца. Поднимаю голову. На кровати напротив судорожно бьётся в кашле старуха, прикрывая рот рукой. Взьерошенные, засаленные седые волосы лежат на её лице.

– Ворон. – Старуха поднимает руку и показывает трясущимся пальцем на окно. Её голос звучит, как скрип моей кровати.

– Что? – Не понимаю и, приподнимаясь, смотрю в окно. На решётке за окном сидит птица. Перевожу взгляд на соседку.

– Кто-то умрёт! – Старуха опускает руку к лицу и откидывает волосы. – Кто-то умрёт! – повторяет она и смотрит в упор на меня.

Мутные глаза сверлят меня взглядом. Жуткое зрелище: горбатый нос и тонкие губы, растянувшиеся в кривой ухмылке.

«Старая ведьма!»

Старуха закидывает голову, сотрясаясь в диком смехе, потом вскакивает и начинает бегать по палате, повторяя: «Кто-то умрёт! Кто-то умрёт!»

Меня колотит от холода и ужаса, который я наблюдаю.

Наконец успокоившись, старуха садится на кровать рядом со мной и берёт мою руку. Я, не сопротивляясь, насторожен-

но за ней наблюдаю. Поднеся мою ладонь к своему лицу, она что-то шепчет. Прислушиваюсь к её словам: «Ты умрёшь, ты умрёшь».

Отдёргиваю руку и отодвигаюсь подальше. Щелчок замка заставляет «ведьму» смиренно вернуться на своё место.

– Выходим на завтрак, – слышу женский голос за приоткрытой дверью.

Встаю, иду к выходу. Выглядываю. Из палат выходят больные, бесшумно шагая за высокой женщиной в белом халате.

«Ведьма» выталкивает меня в коридор и, обойдя, направляется за толпой. Высокая останавливается и оборачивается.

– Тебе особое приглашение нужно? Шевелись! – кричит через весь коридор, обращаясь ко мне.

Все останавливаются и тоже оборачиваются. Лысый мужчина повторяет за высокой, копируя даже интонацию:

– Шевелись!

– Заткнись, Коля! Не нарушаем правила: идём спокойно! – прикрикивает она.

Лысый виновато опускает голову и замолкает.

Злюсь, но иду вслед за всеми. В столовую, которая находится в конце коридора, вхожу последней.

«Фашистка» – так я решаю называть длинную. Она стоит, дожидаясь меня у дверей в столовой.

– Дорогуша! Ты новенькая, поэтому пока привыкай. Слушай, смотри и впитывай. Два раза не повторяю, поняла? – Её глаза, сверкая злобой, впиваются в меня. Голос звучит при-

творно ласково, но последний вопрос вбивается мне в уши, словно гвоздями.

Здесь же возникает дикое желание ударить её кулаком в нос. От Фашистки так и несёт властью и презрением. Сдержанно киваю, опуская глаза, которые выдают моё тайное желание, и быстро прохожу к раздаче. Каша в железной тарелке и чай, цветом больше напоминающий мочу.

Оглядываюсь: крашенные в мрачный, грязно-зелёный цвет стены, на полу коричневая старая плитка со сколами, справа от входа замечаю одно окно с решёткой внутри и снаружи. Насчитываю пять небольших деревянных столов на четверых, и почти все они уже заняты.

Нахожу свободное место рядом с лысым Колей и женщиной с длинными чёрными кудрявыми волосами, местами сбившимися в колтуны. На ней грязный цветной халат с дыркой на плече. На лице брюнетки красуется огромный, во всю щеку, шрам. Прерывая трапезу, она поворачивается и без особого интереса смотрит на меня своими пустыми глазами.

– Привет. – Поочерёдно оглядываю женщину и лысого, быстро уплетающего содержимое тарелки.

Коля, не поднимая глаз, отрицательно качает головой. На руке у женщины, между большим и указательным пальцем, замечаю небольшую татуировку синего цвета: надпись «Бритва». «Бритва» – такое прозвище я даю брюнетке со шрамом – толкает меня локтем в руку. Понимаю: разговаривать запрещено.

«Что за правила. Мы что, в тюрьме?»

Пресная, безвкусная холодная каша. Такой же чай. С трудом заталкиваю в себя еду, осознавая, что другого варианта не будет. Оглядываю присутствующих – чавкающих с одинаково пустым взглядом людей, похожих на зомби.

Также в тишине все возвращаемся в свои палаты.

Ведьма запрыгивает на кровать и отворачивается к стенке. В моей голове немного проясняется.

«Итак, мои выводы: я в психбольнице, в отделении для тяжёлых больных. Мужчины и женщины находятся вместе. Здесь нет «торчков» или таких, кто просто косит от армии».

Размышляю, встав на кровать ногами и положив руки на подоконник. Летнее солнце греет моё лицо. Закрываю глаза и наслаждаюсь этим моментом.

– Приём лекарств. – Звучит голос позади.

Вздрагиваю: не услышала, как Фашистка вошла к нам в палату. Нехотя опускаюсь на кровать.

– Я в порядке, мне не нужны таблетки, – тихо говорю ей, глядя на пару белых пилюль в протянутой руке.

– Рот открывай! – Голос Фашистки звучит с угрозой. Она скалится, и на её передних зубах остаётся след от красной помады.

– Для чего эти таблетки?

– Я тебя предупреждала, что повторять не буду? Вась!

В двери тут же появляется мужчина-шкаф с закатанными руками. Останавливается в дверях, упираясь своими

огромными ладонями в бёдра. Его лысый череп блестит под лампой.

– Что, Марина Степановна?

– Помоги дорогуше. – Фашистка перекладывает таблетки в ладонь подошедшему медбрату.

– Я сама! – Протягиваю руку.

– Рот открывай! – Подойдя ко мне вплотную, Вася бесцеремонно хватает левой рукой за волосы на затылке, запрокидывает голову и толкает таблетки в рот, заливая водой из стакана.

Давлюсь, но глотаю.

«Твари, – сжимаю кулаки, но сдерживаюсь. – Против Васи не попрёшь».

Ведьма уже сидит на своём месте с открытым ртом и радостно принимает выданную ей порцию лекарств. Вася с Фашисткой выходят из палаты, смеясь.

Сознание мутнеет. Моя злость превращается в апатию. Появляется заторможенность. Не могу собраться с мыслями. Клонит в сон.

– Эй! Вставай! – С трудом открываю глаза. Тело ватное. Ведьма трясёт меня за плечи. – Вставай!

Я пытаюсь подняться, но присесть на кровати удаётся лишь с третьей попытки.

– Есть! Эта звала! – Тянет за руку Ведьма.

Встаю, но от слабости падаю на пол, больно ударяясь плечом. Ведьма хватается за меня подмышки и тащит по полу, в её

глазах я вижу страх. Собираю все силы и встаю на ноги.

– Всё, всё, я могу сама!

Наша палата – последняя в коридоре. Плетусь за всеми, качаясь. Фашистка одаривает леденящим взглядом в дверях столовой, получая в ответ такой же взгляд от меня. Чуть заметно усмехается, подчёркивая своё превосходство.

Трясущейся рукой расплёскиваю суп из воды с картофелем, морковью и луком. Бросаю эту затею. Беру стакан с так называемым чаем и залпом вливаю в себя. Встаю и плетусь к выходу.

– Сейчас идём на прогулку, переодемся. – Слышу знакомый голос.

В коридоре меня догоняет бородатый и протягивает аккуратно свёрнутую одежду серого цвета. Ловлю себя на том, что радуюсь его появлению. Улыбаюсь, беру одежду и иду в палату.

Нагретая солнцем лавочка кажется тронem в сказочной стране. Деревья шелестят на ветру своими ярко-зелёными листочками, перешёптываясь с кустарниками шиповника. Лишь территория, огороженная высоким забором с колючей проволокой, омрачает пейзаж раскинувшейся лужайки с цветущими бархатцами. Кто-то из больных ползает по земле и ловит кузнечиков, остальные бродят по специально отведенной для прогулок площадке или сидят на лавочках.

«Отличная компания, Яна».

В груди ёкает.

«Я вспомнила своё имя!»

Вскакиваю с лавочки и подбегаю к бородатому, который одновременно наблюдает за всеми гуляющими.

– Я-я!

Он внимательно смотрит на меня с ожиданием услышать, что же меня так взбудоражило.

– Что? Говори.

– Я должна поговорить с врачом! – выдыхаю.

– Ты скоро встретишься с ним. Как только у него заживёт ухо, – усмехается бородатый.

Меня немного успокаивает его ответ.

– Может, даже завтра. – Кладёт он свою руку мне на плечо.
– Иди гуляй.

Отхожу в сторону, пытаюсь вспомнить свою фамилию и при этом не забыть имя.

Дни в больнице идут медленно. Силы меня покидают: утекают в прожжённые от таблеток дыры. Лекарства гасят во мне жизнь. Я чувствую, как превращаюсь в овощ. Впрочем, когда дежурит бородатый, он не заставляет пить таблетки. Вкладывает мне их в руку и уходит. В эти дни голова более ясная. Бородатый – единственный человек, проявляющий хоть какое-то сочувствие. Каждый раз, когда выходим на прогулку, он выносит мне чашку кофе. Божественный напиток. Наслаждаюсь им, отпивая небольшими глотками.

Самый яркий и в то же время тихий момент – это прогулка. Сажу, развалившись на лавочке, наблюдаю за пчёлами,

роящимися над клумбой. Солнце щиплет меня за щёки, чтобы я пришла в себя.

– Сегодня после прогулки идём к Тарасу Петровичу, – объявляет бородатый, садясь на лавку рядом и протягивая мне кофе.

– Кто это? – спрашиваю и тут же понимаю, что совсем отвыкла разговаривать.

– Главврач.

– «Жертва?»

– Ага. Твоя дальнейшая жизнь здесь зависит от него.

– Царь, сего заведения? – горько усмехаюсь.

– Что-то вроде того. Держи себя в руках.

– Угу.

Отпиваю глоток. Закрываю глаза от наслаждения. Божественный вкус напитка на мгновение переносит куда-то далеко. Я чувствую прохладный ветер, который гладит меня по волосам, утешая. В памяти мелькают отрывки воспоминаний, как в старом чёрно-белом кино: круглый столик, звук скрипки. Он приближается и вливается в мой мозг знакомой мелодией. На столе две чашки с кофе и какой-то десерт. Мужская рука держит кольцо. Я протягиваю свою ладонь, чувствуя волнение и трепет во всём теле. Кольцо скользит по моему безымянному пальцу. Мягкие губы прижимаются к моим губам. Моё сердце сжимается. Тоска и страх охватывают всю меня: и внутри, и снаружи. Холодок пробегает по спине. Я вжимаюсь в лавку, подтягивая колени к лицу. Слёзы

застилают глаза. Ком застревает в горле. В голове крутится одна страшная мысль. Это слово – одиночество.

Разговаривать сложно. В голове всё путается, язык шевелится медленно. Но, собравшись с мыслями и силами, я всё же спрашиваю:

– Как я здесь оказалась?

– Не знаю. Я заступил на дежурство уже после твоего поступления.

После прогулки отправляемся к главврачу. Идём мимо столовой. Бородатый достаёт ключи, долго возится с замком. Проходим в следующее отделение. Больные сидят на лавках вдоль палат: кто-то играет в карты, кто-то в лото, некоторые читают. Двери в палаты открыты. Никто не обращает на нас внимания. Совсем другой мир.

Ещё одна дверь, за ней – коридор с кабинетами. Доходим до нужного кабинета с табличкой «ГЛАВНЫЙ ВРАЧ».

Мой сопровождающий стучит в дверь и, поворачиваясь ко мне, серьёзно произносит:

– Держи себя в руках!

– Угу, – киваю, входя за ним в кабинет.

Яркий солнечный свет, бьющий в глаза, заставляет прищуриться.

– Кто здесь у нас? – наигранно протягивает главврач, вставая из-за стола.

– Здравствуйте. – Опускаю глаза в пол, замечая заклеенную пластырем мочку его уха.

– Я смотрю, тебе лучше. Присаживайся. – Главврач кивает на стул возле стола. Сам встаёт у приоткрытого окна, скрестив руки на груди.

Послушно сажусь, косясь на бородатого. Тот одобрительно кивает.

– Иди, Серёжа. Я справлюсь. – Тарас Петрович смотрит внимательно, пытаясь проанализировать моё состояние по внешним признакам.

– Я за дверью, если что!

«Серёжа... А я даже не спросила, как его зовут».

Ощущаю себя очень уязвимой. Маленькой, неказистой девочкой, которая что-то натворила и сама не может понять, что именно.

– Ну что? Как ты себя чувствуешь? – спрашивает Тарас Петрович, усаживаясь обратно в своё кресло напротив и беря в руки папку.

Тарас Петрович – худощавый, с козлиной бородкой и редкими седыми волосами, аккуратно зачёсанными назад. Отполированные ногти, идеально выглаженный белый халат. На вид – лет шестьдесят. Он внимательно вчитывается, хмуря брови.

«Профессор, мать его!»

Волнуюсь. Тихо произношу:

– Я вспомнила, как меня зовут.

– Да что ты говоришь? – протягивает театрально Профессор. Ну, и как же нас зовут?

«Идиот!»

У него противный, блеющий голос, и он жутко меня бесит. Но я сдерживаюсь и хоть и неуверенно, но всё же отвечаю:

– Яна. Как я здесь оказалась? – стараюсь говорить спокойно, несмотря на поднимающееся чувство недоверия и тревоги.

Смотрю в упор. Замечаю, как забегали его зрачки под очками. Повисает пауза.

Профессор резко прерывает молчание. Я вздрагиваю от неожиданности.

– Тебя в лесу возле пещеры увидела группа туристов. Ты кричала и билась в истерике. Когда тебя привезли сюда, ты вела себя как разъярённый зверь. Доказывала, что тебя убили, – врач откашливается и трогает заклеенное ухо. – Это если вкратце.

– Убили? – Удивлённо пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но память как будто стёрта. – Вы выяснили, кто я? У меня есть родственники? Меня разыскивают? – спрашиваю с последней надеждой. Голос надламывается.

Я замолкаю, чтобы не показать свою безысходность, слабость и отчаяние.

– Мы пытались. Но ты как будто не существуешь! Тебя нет в Интернете. Полиция тоже не смогла ничего выяснить. – Врач пожимает плечами. – Таких бедных потеряшек, как ты, у нас много, – улыбается Тарас Петрович, но в его глазах я вижу только леденящий душу холод.

Взгляд у этого человека совсем недобрый. Его ухмылка с явной издёвкой поднимает во мне очередную волну ярости.

– Попробуйте поискать по имени, – предлагаю я, отворачиваясь, потому что не выдерживаю испытывающий взгляд Профессора.

Стараюсь не показывать ему своё настоящее отношение и настрой.

– Ты думаешь мало Ян на свете? – усмехается он.

Затем главврач встаёт из-за стола и опять подходит к окну. Прищуривается от яркого солнечного луча. Замирает на несколько секунд, закрыв глаза в наслаждении. Боюсь заговорить, разозлить его тоже боюсь. И еле сдерживаюсь от соблазна разодрать ему физиономию. Но всё-таки решаюсь:

– Я не знаю... – Растерянность вместе с отчаянием врываются в меня, вытесняя последнюю надежду. – Ладно, допустим. Но у меня к вам вот какой вопрос: от чего вы меня лечите? Пусть я была не в себе, когда попала сюда, но сейчас я в порядке! Только не помню ничего... – стараюсь говорить спокойно, но очень сложно сдерживать ярость, которая сжигает изнутри и рвётся наружу.

– Пока мы приводим в норму твою психику, наблюдаем, – спокойно и монотонно произносит Профессор, возвращаясь за стол и медленно опуская свой тощий зад в кресло. Смотрит внимательно мне в глаза поверх надетых очков, чуть наклонив голову.

«Что он всё высматривает? Скользкий тип!»

– Препараты, которые мне дают, убивают, стирают личность, а не приводят психику в порядок! – повышаю голос в раздражении, больше не в силах сдерживать гнев.

– Ну, ну! Спокойнее, – в его интонации звучит угроза. – Ты же не хочешь, чтобы тебе увеличили дозу?

«Профессор явно не желает меня выпустить из этого заведения!»

– Нет, – опускаю голову, понимая, что он здесь хозяин, и сейчас моя жизнь действительно зависит от него.

– Переведите меня в другое отделение. Я не сумасшедшая, – стискиваю зубы. Последний шанс.

– Ну, это мы ещё посмотрим. Пока принимай таблетки и веди себя тихо. Будь послушной девочкой! Всё будет зависеть от тебя, – говорит Тарас Петрович, слащаво растягивая слова. Противная ехидная улыбка расплывается по его лицу.

Чувствую, как внутри закипает кровь, и я готова откусить Профессору второе ухо. Стараюсь подавить поднимающийся гнев глубоким дыханием.

– Серёжа, проводи больную в палату! – кричит он через весь кабинет.

«Больную? Это вы здесь все больные! Десять, девять, восемь...» – начинаю считать, чтобы переключиться и не натворить глупостей.

Сергей открывает дверь и ждёт, когда я выйду. Медленно идём с ним по коридору.

– Сергей, – набираюсь я смелости, – ты можешь дать мне

свой телефон? – Останавливаюсь и протягиваю руку.

– Телефон? У меня нет с собой телефона. Нам нельзя проносить в отделение личные вещи. Вообще ничего нельзя приносить и выносить, – говорит он вполголоса, слегка подталкивая меня в спину, чтобы я продолжала движение.

Навстречу идёт медсестра. Поравнявшись с нами, она внимательно и с явным пренебрежением оглядывает меня, потом любезно улыбается моему сопровождающему.

– Чёрт! Ты можешь поискать какую-то информацию обо мне в Интернете?

– Я попробую, – он берёт меня за локоть и останавливает посередине коридора, оглядываясь на удаляющуюся коллегу.

– Спасибо. Ты так добр ко мне.

Чувствую, как на глаза наворачиваются слёзы. Понимаю, что сейчас мне придётся вернуться в эту тюрьму.

– Я вижу, что ты не сумасшедшая! – В его глазах я вижу искреннее сочувствие. – По крайней мере, не настолько, чтобы находиться в аду.

«Неужели меня никто не ищет?»

Хочется прижаться к совершенно незнакомому мне человеку и разрыдаться у него на груди.

Во время вечерней прогулки меня немного отпускает. Но длится это недолго: лишь до того момента, пока не вижу входящего в палату пухлого высокого мужика с плешью на макушке. Он останавливается в дверях. В его взгляде, при-

липшем к моей распахнувшейся на груди рубашке, улавливаю что-то угрожающее. Тело напрягается. Сразу соображаю: «Похотливый козёл!»

Подойдя ближе, он протягивает ладонь с таблетками.

– Почему три? Мне увеличили дозу?

– Ага. Пей!

Немного поколебавшись, беру таблетки из его потной руки и брезгливо кладу себе в рот. Он протягивает стакан с водой. Запиваю, не сводя с него глаз.

– Рот открой.

Он суёт мне в рот свой палец, шаря в нём, как в своём кармане. Его маленькие поросычьи глаза вспыхивают от удовольствия.

«Маньяк!»

Сжимаю челюсть.

– Ах ты тварь! – вскрикнув, он отдёргивает руку и суёт палец себе в рот.

– Ну ничего, ничего, – противно смеётся, хрюкая.

Смутно вспоминая, что уже слышала этот смех. По спине ползёт холодок.

Прислушиваюсь к отдаляющимся шагам. Палату запирают на замок только ночью. Вскакиваю и бегу в туалет. Залетаю, нависаю над унитазом, засовывая два пальца в рот, пытаюсь вызвать рвоту. Стараюсь вести себя как можно тише, так как двери в туалете нет.

«Если Маньяк услышит, что я делаю, донесёт главному, и

мне хана! Успела!»

Таблетки вышли. Смываю, тяжело дыша. Вытираю рот рукавом, чувствуя облегчение, радость и неприятную горечь во рту. Выглядываю в коридор – пусто. Из палат выходить запрещено, только по нужде.

Проскакиваю обратно и прикрываю за собой дверь. Она предательски скрипит. Сердце замирает. Прикладываю ухо – шагов неслышно. С облегчением выдыхаю и сажусь на свою кровать. Ведьма спит после приёма лекарств, дёргаясь и поскуливая.

«Вся надежда на Серёжу. Он вызывает доверие».

Скрип двери вырывает моё сознание из сна. Ведьма протяжно храпит, присвистывая. Вокруг крошечная тьма. Прислушиваюсь.

«Показалось!»

Расслабляюсь, поворачиваюсь на бок, накрываюсь одеялом с головой и закрываю глаза. Здесь же проваливаюсь в сон: кольцо, рука, губы. Нежное прикосновение скользит от шеи к пояснице, по голой спине вдоль позвоночника.

«Сон? Нет, не сон!»

Переворачиваюсь на спину, всматриваясь в темноту. Одеяло слетает, и на меня наваливается чьё-то тело. Руками пытаюсь столкнуть его с себя. Одним рывком неизвестный срысывает с меня трусы и раздвигает мои ноги своими коленями. Хватает руки и, прижимаясь всем телом, тяжело дышит мне в лицо.

«Сильный, сука!» – кручусь под ним, извиваясь, как змея, пытаюсь вырваться.

– Я не понял, ты почему не спишь? – шепчет мне в ухо знакомый голос, в котором я узнаю Маньяка.

Он отвлекается на мгновение, пытаюсь войти в меня. В этот момент мне удаётся освободить правую руку. Хватаю его за лицо своей пятернёй и давлю что есть мочи. Маньяк поддаётся и приподнимается. Подтягиваю колени к груди и сталкиваю его с себя на пол. Вскидываю и пинаю со всей силы, нанося яростные удары, куда придётся. Он вскрикивает и норовит свалить меня, хватая за ноги. Глаза уже привыкли к темноте, и я вижу на полу корчащееся от боли тело. Сажусь ему на живот, сжимаю руку в кулак, размахиваясь и наношу несколько ударов по лицу. И вдруг понимаю: я умею драться. Умею постоять за себя.

Маньяк затихает. Обмякшее тело лежит без движения. Моё сердце готово выскочить из груди. Сидя возле него на полу, пытаюсь отдышаться и прийти в себя. Всё случилось так быстро. Я действовала машинально, даже не успев испугаться.

«Что делать? Что теперь делать?»

Встаю, подхожу к кровати, нащупываю на железной спинке свой халат, накидываю его. Вытаскиваю пояс и связываю ночному гостю руки. Затем беру пояс от халата Ведьмы и стягиваю ему ноги. С трудом волоку тело по полу в коридор. Дверь в соседнее отделение открыта. Иду на пост дежурного,

который там находится.

– Серёжа! – Толкаю в плечо задремавшего на столе медбрата.

«Господи, спасибо! Мне повезло, что сегодня дежурит он».

– Ты как сюда попала? – Сергей вскакивает и хватается меня за руку.

– Послушай меня. Этот козёл пытался меня изнасиловать, – говорю дрожащим голосом.

Вот сейчас мне хочется расплакаться. Накатывает волна страха.

– Кто? – Его глаза расширяются от недоумения.

– Тот жирный, с лысиной.

– Стас?

– Я не знаю, как его зовут. Он пришёл и...

– Где он? – Встревожено косится на мой окровавленный кулак Серёжа.

– Возле палаты. Ты мне веришь?

– Идём! – Он хватается меня за руку и тащит по тускло освещённому коридору.

Возле палаты сидит очнувшийся связанный Стас.

– Что здесь, чёрт возьми, произошло? – Сергей присаживается на корточки рядом с коллегой и с удивлением разглядывает его окровавленное лицо. Тот косится на меня.

– Эта тварь не приняла таблетки. Наверное, вылевала их, когда я ушёл.

– А что ты делал в её палате среди ночи?

– Услышал возню за дверью и зашёл, а она на меня кинулась. Зверюга! Нос мне сломала. В спецназе, что ли, служила? Развяжи меня! – кричит он раздражённо, обращаясь к Сергею. – Я тебя сгною! – цедит сквозь зубы, поворачивая ненавистный взгляд на меня.

– Всё, что он говорит, – неправда! Вечером этот человек принёс мне три таблетки. Я заметила, что Ведьме он дал одну!

– Ведьме? – Сергей смотрит на меня в недоумении.

– Моей соседке. Он дал ей одну таблетку, а мне – три. Значит, что-то задумал. Эта сволочь хотела меня поиметь, пока я в отключке. Наверное, он не в первый раз проделывает это с больными. Только вот не учёл, что я не больная!

Забегая в палату и возвращаясь, протягивая свои порванные трусы Сергею, который в этот момент освобождает связанные ноги Стаса.

– В общем, так! Если об этом узнаёт кто-то из руководства, пострадаем все. Так что ты возвращаешься к себе в палату и ложишься спать.

Сергей помогает встать Стасу с пола. Тот хватается за свой бок и смотрит на меня. По взгляду понимаю, что Маньяк готов меня разорвать.

– Скажи спасибо, что не убила! – холодно кидаю через плечо, заходя в палату, и закрываю за собой дверь.

Слышу поворот ключа и щелчок.

«Откуда во мне такая самоуверенность?»

Долго ворочаюсь, не могу уснуть, прокручивая в голове всё, что со мной произошло. Пытаюсь встряхнуть мысли и сосредоточиться на мимолётных воспоминаниях, иногда вспыхивающих в моей памяти.

«Я замужем? Кольцо, мужчина, но лица не вижу. Предложение! Он делает мне предложение в кафе! Ну, это уже что-то. Значит, у меня есть жених или муж. Он точно меня ищет».

– Выходим на завтрак! – Слышу противный голос Фашистки.

Оглядываюсь: Ведьма уже ушла.

Встаю, натягиваю штаны, рубашку и плетусь в туалет. Быстро умываюсь, прочёсываю волосы пальцами и иду в столовую. Фашистка провожает меня взглядом до раздачи. Беру порцию каши и иду к задумчивой Бритве и Коле, который еле сдерживает радость, видя моё приближение.

После обеда всё отделение отправляется на прогулку. Ведьма уже вышла из палаты, и я, открывая дверь, нарываюсь на стоящего в дверях Стаса. Его опухший нос и синяки под глазами напоминают мне о страшной ночи. Маньяк вталкивает меня обратно в палату и закрывает за собой дверь. В его руке – резиновая дубинка, в глазах – ярость. Первый удар приходится мне на правую ногу. Я падаю на пол, вскрикивая от боли. Тут же группируюсь, понимая, что меня ждёт. Чувствую вкус крови во рту, не могу пошевелиться. Слезы бегут

по щекам от адской боли.

Ведьма входит в палату. Увидев меня лежащей на полу, она выбегает и через секунду возвращается с Фашисткой.

– Ну и что? Чего ты лежишь? Вставай, я таблетки принесла.

– Пей сама свои таблетки! – хриплю и отплёвываюсь кровью.

– Что ты там говоришь, дорогуша? Я не слышу тебя.

Ведьма пытается меня поднять, но я отталкиваю её. Судя по резкой боли под грудью, мои рёбра сломаны. Пересиливая боль, не разгибая корпуса, встаю и аккуратно ложусь на кровать.

– Пей! – Медсестра протягивает мне две таблетки. Затем наклоняется и шепчет мне на ухо: – И не вздумай плевать.

В дверях появляется Василий. Смотрит на меня с усмешкой, сложив руки на груди. Я открываю рот, глядя в его нагло улыбающееся лицо. Запиваю таблетки водой и кладу голову на подушку.

«Ненавижу вас! Ненавижу! Твари бездушные!»

Прошла уже неделя, может, и больше. Фашистка пичкает меня таблетками, и я теряю реальность.

– Яна! Ян, приди в себя! – Кто-то тормозит меня за плечо.

Никак не могу вспомнить, кто это. Лицо вроде знакомое. Борода, зелёные глаза.

– Да чтоб тебя! Приди в себя! Я ничего не нашёл. Слы-

шишь?

– Что? Ты кто?

– Да, подруга, накачали тебя конкретно! – Сергей садится возле меня на кровать. – Я был в отпуске и пытался найти информацию о тебе, но ничего. Как будто все стёрли. У меня складывается впечатление, что кто-то хочет, чтобы ты была здесь. Понимаешь?

– Нет. – Медленно качаю головой, вглядываясь в собеседника. Голос бородатого то отдаляется, то приближается.

– Ясно, – вздыхает он. – Я теперь буду дежурить чаще, и ты сможешь прийти в себя.

Глава 2

12 июня, 2015

Звонящий звук вырывает меня из лабиринтов забытья, неся по чёрным коридорам подсознания и возвращая в реальность. Открываю глаза. Белый глянцевый потолок. Люстра в форме шара. В окно проникает луч света и быстро ползёт по одеялу к моему лицу. Немного болит голова.

– Доброе утро, любимая! – Чья-то рука гладит меня по плечу.

Разряд тока внутри ускоряет биение сердца. Чувствую волнение и недоумение.

– Я дома! – Резко сажусь на кровати и оглядываю комнату, останавливая взгляд на родном лице.

«Я всё помню. Матвей – мой муж».

Продолжаю смотреть в его удивлённые глаза.

– Ты чего, Ян? – Он садится и целует меня в плечо.

– Ничего. Мне приснился страшный сон. Ты даже не представляешь, что я пережила! – Вспоминая этот кошмар, прижимаю ладони к лицу. – Это всего лишь сон, – повторяю тихо самой себе.

– Что тебе приснилось? – шепчет муж, целуя меня в шею, и обеими руками ныряет под мою сорочку.

– Подожди, Матвей! – Освобождаюсь от его объятий.

– Да, что с тобой? – Он смотрит внимательно, пытаюсь по-

нять, что не так.

– Ничего. – Встаю и быстро иду в ванную комнату, находящуюся рядом с нашей спальней.

У нас большой двухэтажный загородный дом. Мой дорогой и любимый муж – владелец крупной строительной компании. А я мент. И не просто мент – я опер. Яна Михайловна Трость.

После душа, завёрнутая в белое полотенце, разглядываю своё отражение в зеркале, находящемся возле ванной комнаты. Миловидная брюнетка с каре до плеч и большими карими глазами. Среднего роста, спортивная, подтянутая. Приглядываюсь к лицу.

«Красные, уставшие глаза, под ними тёмные круги. На щеке родинка. Её ведь раньше не было... Откуда она взялась?» – внимательно смотрю в зеркало, хмуря брови.

– Не хмурься! Морщины появятся! – В зеркале позади меня появляется улыбающееся отражение Матвея.

– Чувствую себя, как будто по мне танк проехал! Этот сон не отпускает, высасывает из меня всю энергию, и я не могу избавиться от ощущения, что это реальность.

– Так что за сон? – Муж смотрит на меня через зеркало. Повисает молчаливая пауза. Я осторожно трогаю рёбра. Не болят.

– Не хочешь – не рассказывай. Опять, наверное, трупы снились? Работу тебе нужно менять! Идём завтракать.

Матвей спускается по лестнице на первый этаж. Я смотрю

ему вслед. Что-то не так. Не могу понять, что именно. Чувствую тревожную дрожь, расползающуюся по телу. Опять поворачиваюсь к зеркалу и всматриваюсь в своё лицо.

«Родинка на щеке возле носа, будто всегда там была. Но её ведь не было... Или была?»

Возвращаюсь в спальню и подхожу к окну: лужайка с цветами, деревянная беседка с развевающимися от ветра белыми занавесками, ухоженные и аккуратно подстриженные кустарники, ровный газон.

Моё тело напряжено, как натянутая струна. Закрываю глаза, медленно кручу головой сначала влево, потом вправо. Скидываю полотенце, натягиваю джинсы и рубашку. Беру свой телефон с прикроватной тумбочки и не спеша спускаюсь по лестнице.

Внизу – просторный светлый холл с мягким скрытым освещением. За ним находится кухня-гостиная с чёрной матовой мебелью в скандинавском стиле, чёрным кожаным диваном и белым кафелем на полу.

На столе меня уже ждёт завтрак: горячий омлет и кофе.

Мой телефон вибрирует и выдаёт саундтрек из фильма «1+1». Номер незнакомый. Быстро глотаю омлет и беру со стола телефон.

– Да, слушаю!

– Привет, родная! – Я невольно расплываюсь в улыбке от папиного голоса, поднимаю глаза на Матвея. Тот внимательно смотрит на меня.

– Это папа, – шепчу я мужу, а в трубку говорю: – Папуль, привет! Ты сменил номер телефона?

– Да, сменил. Ну, это не важно. Я сегодня к вам приезжаю вечером? Всё в силе?

«Господи, сегодня у отца день рождения! Как я могла забыть? Я – безумно любящая дочь своего отца!»

– Папуль, с днём рождения! Конечно, мой дорогой, мы тебя ждём!

Матвей, слушая, укоризненно покачивает головой. Это он придумал пригласить отца отпраздновать день рождения у нас, что меня очень обрадовало. Я не видела папу уже полгода и очень по нему соскучилась.

Мой отец – выдающийся учёный-фармацевт. После смерти мамы он с головой ушёл в работу и практически переехал жить в лабораторию.

– Пап, вторая линия, до вечера, целую! – Быстро переключаюсь. – Алло?

– Ян, привет. Ты где?

– Паша, привет. Я скоро буду!

Вспоминаю, что у нас совещание в девять, и смотрю на часы: половина девятого.

– Всё, я побежала! – Глотнув кофе, вскакиваю и целую мужа в щёку.

Выбегаю в холл, быстро надеваю кроссовки, хватаю сумку и на ходу достаю ключи от машины.

Через тридцать минут вбегаю в участок. Дежурный встре-

чает меня приветственным кивком. Возле его окошка галдит толпа родителей задержанных за ночную драку подростков. Бегу по коридору, открываю дверь в кабинет.

– Ян, ты вообще обнаглела! – Павел встаёт из-за стола с недовольным лицом.

Паша Горин – мой напарник. Он высокий, крепкий, со светлыми волосами, в белой майке с надписью «Красавчик». И ведь вправду красавчик: стоит ему только улыбнуться, как девушки тянутся к нему, словно к солнышку. Только я вижу в нём ворчуна и зануду.

– И тебе доброе утро! Всё, идём!

Достаю папку из тумбочки своего рабочего стола, бросаю сумку и бегу по лестнице на второй этаж. Павел идёт следом за мной с очень серьёзным выражением лица. Кабинет нашего начальника, Егора Степановича, в самом конце коридора.

Останавливаюсь перед дверью кабинета, чтобы немного отдышаться, и жду быстро приближающегося Павла. Переглянувшись, мы входим.

– Опаздываете, товарищи опера! – Шестидесятилетний, седовласый, коренастый Егор Степанович угрожающе стучит ручкой по столу.

Мы с Павлом синхронно отодвигаем стулья и садимся за стол напротив друг друга.

– Ну, что, лентяи, докладывайте. Что у вас по делу Ивановой, есть движение?

– В общем, пока ничего нового, – медленно протягивает

Павел, уставившись в открытую папку.

– Я же говорю, лентяи! – Вскрикивает Егор Степанович и начинает мерить кабинет широкими шагами, обходя стол.

Павел смотрит на меня, я на него. Немой диалог:

– Сейчас начнётся!

– Будет орать!

– Три дня назад было совершено преступление: ограбили ювелирный и убили человека! – возмущённо начинает Егор Степанович. Его густые седые брови сдвигаются, придавая лицу грозный вид. – И что? Где результат расследования? Ноль!

– Если преступник не оставил ничего, кроме шматков грязи от обуви, – начинает недовольно оправдываться Павел.

– Ищи, носом рой, но найди! – кричит начальник, оставившись у меня за спиной. Я чувствую его гнев затылком.

– Это и тебя касается, Трость!

– Так точно! – выкрикиваю я, и улыбка всё равно выдаёт мой настрой.

– Тебе что, весело? Настроение у тебя хорошее, как я посмотрю, Яна! – начальник кладёт свою руку мне на плечо и крепко сжимает: рука у него тяжёлая.

– Больно, Егор Степанович!

– Всё, за работу, лодыри!

Мы возвращаемся в свой кабинет. Паша, вздыхая, садится за стол, я встаю у окна. Долго всматриваюсь. Что-то не так. Понимаю, что картинка за окном неполная. Опять ощущаю

необъяснимо-неприятное чувство беспокойства.

«Что со мной происходит?»

– Паша, а где лавочка? – Я начинаю догадываться, что именно меня смущает. – Напротив нашего окна стояла лавочка, на которой часто сидел старик с соседнего дома.

Горин подходит ко мне и тоже устремляет взгляд в окно.

– Не было там никакой лавочки. Ты чего?

– Да как не было? Старик каждое утро голубей кормит, сидя на этой лавочке! – я повышаю голос.

– Какой старик? На какой лавочке? Ян, давай по делу! – Павел раздражённо отодвигает стул и снова садится за стол.

Отхожу от окна. В кабинете не работает кондиционер. Очень душно.

– Сейчас бы на пляж!

– Да, что на тебя нашло, Трость? Какой пляж? План на сегодня какой? – Горин открывает блокнот.

– Да хрен его знает! Мы уже всех опросили. Грязь с обуви на экспертизе. По записям с камер нет ничего, за что можно зацепиться. Всё стандартно: маска, перчатки, средний рост. Но... Давай ещё раз просмотрим записи с камер? Вдруг мы что-то пропустили?

– Давай так: ты смотри, я к экспертам, может, есть у них новости, – отвечает коллега.

– Вот и план! – улыбаюсь я.

Прильнув к экрану, смотрю записи в четвёртый раз, а в мыслях – старик на лавочке.

«Я что, схожу с ума? Стоп!» – жму на паузу, вглядываясь в картинку на экране компьютера. «Что это?» – проматываю назад.

Грабитель медленно наклоняется, чтобы дотянуться правой рукой до украшения. На предплечье из-под короткого рукава футболки показывается рисунок. Вернее, его часть.

Увеличиваю: две буквы – В и А. Ещё увеличиваю. Шрифт готический.

«Кое-что есть, поехали дальше».

Через час откидываюсь на спинку стула и протираю глаза кулаками.

«Всё! Больше ничего!»

Живот протяжно урчит. Я вскидываю левую руку, чтобы посмотреть время, присвистываю:

– Уже обед, дорогуша!

Произношу вслух, и меня передёргивает от этого слова – «дорогуша». Оно прозвучало в моей голове голосом Фашистки. Ни разу в жизни мне не снились такие реалистичные сны. Перед глазами эта сволочь в белоснежном халате и со своей наглой ухмылкой на лице.

Дверь резко открывается, и я вздрагиваю от неожиданности.

– Горин! – укоризненно обращаюсь к входящему коллеге.

– Что?

– Ты напугал меня!

– Тебя? Трость, ты же железная леди! – он смеётся и ки-

дает чёрную кожаную папку на стол.

– Я кое-что увидела! Смотри!

Мы садимся перед компьютером, проматываю запись и показываю тату.

– И что?– разочарованный Павел встаёт из-за стола.

– Нужно подумать, что это за надпись. Может, она выведет нас на преступника.

– Поле чудес? – усмехается напарник. – Пошли лучше поедим.

– Да, ты прав. Нужно подкрепиться.

Мы выходим на улицу. Тридцатиградусная жара обнимает всё моё тело раскалённым воздухом.

– Ты машину забрал из ремонта? – уточняю у напарника на ходу.

– Нет, на твоей поедем. Ты куда? – удивлённо спрашивает Паша, идя за мной.

Я сворачиваю влево от стоянки и иду к месту, где раньше стояла лавочка. Присаживаюсь на корточки и всматриваюсь в асфальт. Никаких следов: ровное покрытие, ни одной выемки.

– Ничего не понимаю! – Путаются мысли в моей голове. «Искажение реальности».

– Я же говорю, не было здесь никогда лавочки! – бубнит Горин за моей спиной. – Ты сегодня какая-то странная, Трость.

– Ладно, посмотри на моё лицо. Ничего не замечаешь? –

встаю к нему лицом к лицу.

Паша внимательно меня осматривает и задумчиво произносит: «Да уж, мать, бороды у тебя раньше вроде не было!»

Его озадаченное лицо и сдвинутые брови заставляют меня схватиться за подбородок.

– Очень смешно! Что там с грязью? – садясь в свою белую Mazda CX-5 и заводя мотор, спрашиваю у наконец посмеявшегося коллеги.

Кафе, в котором мы обычно обедаем, находится недалеко, но идти по такой жаре желания нет.

– В отличие от тебя, у меня есть результат. Эксперт в лице нашего незаменимого Эдика выдал предварительное заключение. – Павел достаёт блокнот и, листая его, внимательно вчитывается в каждую страницу.

Ищу свободное место, чтобы припарковаться возле кафе.

– В грязи с обуви грабителя найдена частичка одной очень редкой горной породы – битуминозного известняка, – зачитывает коллега.

– И что это значит?

В кафе занято всего несколько столиков, мы садимся у окна.

– Это значит, что нам нужно ехать к пещере на реке Сок. Эдик говорит, что именно там сосредоточены залежи этой почвы. Я посмотрел, в округе есть два посёлка.

– К пещере... – мне снова становится не по себе. – Сегодня я видела странный сон. Странный и страшный. И как

будто весь день я возвращаюсь в этот сон. События, предметы, фразы – всё повторяется.

– Бывает такое. – Павел понимающе качает головой и, доев суп, принимается за второе: пюре и сосиски.

Я справляюсь с супом, но аппетит пропал и второе в меня уже не лезет. Выходить из кафе на жару совсем не хочется. Сделав записи, наслаждаюсь холодным лимонадом.

– Папа приезжает вечером. Нужно приготовить праздничный стол. Ты тоже приходи!

– Давненько я его не видел. Как он?

– Говорит, что нормально, а как оно на самом деле, кто его знает. Я тоже последние полгода общаюсь с ним только по телефону.

– Завтра прямо с утра отправимся к пещере. По холодку. Отчитаемся перед Степанычем и поедем, – отдавая деньги за обед улыбающейся молодой официантке, заключил Павел и направился к выходу, засунув сигарету в рот.

– Папа, я так рада тебя видеть! – Прижимаясь к его седой бороде своей щекой, как в детстве. Еле сдерживаю слёзы.

– Добрый вечер, – сдержанно произносит Матвей и жмёт руку гостю.

– Добрый, дети! Я так счастлив вас видеть! Совсем заработался, уже и не помню, когда был здесь в последний раз, – произносит отец, проходя в гостиную к накрытому праздничному столу. – Да и вы не балуете меня своими визитами.

– Пап, тебя дома никогда не бывает. К кому приезжать-то?
– Мне стало обидно за этот упрёк.

– Да, дочка, ты права.

Отец протягивает руку Павлу и садится рядом с ним за стол. Потрёпанный серый костюм, уставшее лицо и потухшие глаза.

«Сильно постарел мой отец».

– Хорошо выглядишь, пап! – улыбаюсь, накладывая ему в тарелку греческий салат.

– Да куда там, хорошо! Не смейся. Я сплю по два часа.

– Что так? – голос Матвея звучит отстранённо: муж смотрит в телефон и что-то печатает.

– Матвей! Ты можешь отложить свои дела? Хоть на пару часов, – возмущаюсь я, пытаюсь заглянуть в его телефон. Не успеваю. Он быстро выключает экран и виновато смотрит на меня.

– Всё. Я с вами! Итак, я хочу сказать тост! – Матвей встаёт и поднимает бокал с шампанским. – Дорогой наш и всеми уважаемый Михаил Иванович, я от всей души поздравляю вас с днём рождения и желаю здоровья.

– Да, папуль, здоровья тебе, – перебиваю мужа и тянусь через стол, чтобы поцеловать отца.

Папины глаза наполняются слезами. Он всегда был очень мягким и сентиментальным человеком, в отличие от меня. Я пошла в мать: мужиком в нашем доме была именно она. Всё-таки дети многое перенимают от родителей.

Матвей хоть и директор компании, но главная в нашем доме – я. Наверное, по-другому и не могло быть.

– Так что там у тебя происходит, почему ты совсем не спишь? – спрашиваю у отца, прожевав салат.

– Я не могу сказать, что конкретно. Подписал бумаги о неразглашении. Но это очень важные для всего мира исследования. – Его глаза загораются. Он всегда был одержим своей работой.

– Секретики, – улыбаюсь. – Мой отец – супергерой, спасающий мир!

– Да, так и есть, дочка. Мир очень нуждается в этом открытии. Нужно ещё немного времени, чтобы всё закончить, – прищуривается папа. – Вы мне лучше вот что скажите, молодёжь, внуков то когда ждать?

– Не начинай, пап! Ты же знаешь, с моей работой... И вообще, мне не нравятся эти разговоры.

Встаю, чтобы достать горячее из духовки и поставить чайник на плиту.

– Ну а ты как, бойскаут? – Отец переключает внимание на глубоко задумавшегося Павла.

– Работаю. Мы с Яной сейчас ведём одно дело. Ограбление и убийство.

– Убийство? – Лицо отца становится напряжённым. – Это ужасно... – он замолкает, ковыряя вилкой в тарелке лист салата. – Почему ты выбрала эту профессию, дочка? – Поднимает папа на меня грустный взгляд.

– Меня всё устраивает. Кто-то же должен этим заниматься! – С шумом ставлю на стол противень с запечённой рыбой и сажусь на своё место. Раздражает, что родной отец не принимает меня такой, какая я есть.

– Мне не даёт покоя один факт: зачем нужно было убивать бедную девушку? – Павел переводит взгляд на меня. – Слушай, Ян, – говорит он медленно, и его глаза расширяются, – а ведь он мог зайти не за тем, чтобы ограбить, а именно за тем, чтобы убить. Всё-таки преступник перерезал ей горло. Если бы он хотел просто ограбить, ну, воткнул бы нож в живот и сбежал. Так нет! Он же перерезал ей горло от уха до уха. – Павел проводит большим пальцем по горлу, показывая, как это сделал убийца.

– Господи, Паша! – перебивает отец. – Зачем рассказывать такие подробности?

– Простите, мне лучше думается, когда я ем. Вот и выдаю... Ещё раз простите.

– Стоп, Пашка! Ведь ты прав! – вскрикиваю я. – Как я сама не догадалась? – Он как будто совершает ритуал. Режет медленно, наслаждается моментом.

– Так, всё, Ян! Прекращайте это обсуждать. Мы собрались здесь по другому поводу. Оставьте свою работу до завтра. – Матвей толкает меня локтем.

– Да... Простите. Но это очень важно! – От волнения не могу усидеть на одном месте, встаю и начинаю ходить по комнате. Так мне лучше думается. Кусаю губы. – Давай про-

верим эту версию. Нам нужно найти все дела с подобными случаями.

Горин вытаскивает блокнот из нагрудного кармана рубашки и что-то быстро записывает.

– Ян? Идёмте чай пить? – Матвей подходит ко мне и останавливает объятиями.

– Да, идёмте. Папуль, вечер-то какой! – Обнимаю за шею подошедшего к нам отца. Стоим, обнявшись втроём.

«Счастье есть. Оно в простом: вот в этих объятиях, встречах, родных глазах, улыбках, понимании, любви, добрых словах».

Наши посиделки заканчиваются за полночь. Павел вызывает такси и уезжает первым. Отец, не желая оставаться у нас, тоже вызывает такси, объясняя это тем, что ему нужно срочно что-то доделать в лаборатории.

– Машина подъехала, – говорит Матвей, накидывая мне на плечи кардиган. Все вместе мы направляемся к калитке.

Я пропускаю вперёд папу и выхожу следом за ним на улицу. На дороге, метрах в пяти от дома, стоит белый автомобиль. Мы не спеша идём к машине, я держу отца под руку. На улице тихо. В окнах соседних домов уже погас свет. Только лай собак оживляет эту спокойную летнюю ночь.

Внезапно слышится рёв приближающегося мотоцикла. Из-за поворота на бешеной скорости резко вылетает мотогонщик. Я настороженно останавливаюсь, торможу отца и всматриваюсь в темноту. Быстро приближаясь, мотоцикл

равняется с такси.

В руке мотоциклиста я замечаю оружие. Автомат! Он целится в нас. Доля секунды: я толкаю отца на землю и успеваю крикнуть Матвею:

– Ложись!

Автоматная очередь прошивает мой живот. Зверская боль бьёт, как удар тока. Я теряю равновесие. Всё гаснет.

Глава 3

Шум в ушах затихает.

Ка-ар-р-р!

Поднимаю голову. На ветке дерева, недалеко от лавочки, на которой я сижу, пристроился огромный чёрный ворон. Поглядывая на меня, он переминается с ноги на ногу и поправляет крылья. Я как будто включаюсь, настраивая фокус. Сознание проясняется. Все цвета становятся ярче. Появляются звуки: пчёлы, птицы, шум ветра, шелест листьев. Не сразу, постепенно. Как будто их кто-то добавляет.

Держу в своих руках чашку с кофе. Недалеко от меня знакомая фигура в белом костюме. Человек оборачивается, смотрит на меня. Подходит и садится рядом на лавку. Очень близко. Так близко, что его рука касается моей.

– Пришла в себя? – спрашивает Серёжа, глядя в глаза. – Зрачки в норме, взгляд ясный. – Отворачивается.

– Наверное, да, – отвечаю, прислушиваясь к себе.

Задумываюсь: «С того момента, как меня избил Маньяк, до этого самого момента я ничего не помню».

– Сколько времени прошло с той ночи? – трогаю рёбра. Болят, но двигаться могу.

– Недели две. Меня отправили в отпуск. Принудительно, понимаешь?

– Не очень.

– После той ночи... Главный всё узнал. В общем, ты должна делать вид, что ты овощ. Поняла?

– Я пока плохо соображаю, и мне не приходится делать вид.

– Единственный способ действительно не превратиться в овощ – это выйти отсюда, – Сергей понижает голос и говорит полупшепотом.

– И как я отсюда выйду? – спрашиваю тоже шёпотом.

– Тебе нужно бежать. Эй, Коля, оставь цветы в покое. Рвать нельзя! – кричит Сергей, вскакивая с лавочки, и бежит к ползающему по клумбе Коле.

«Бежать» – эхом звучат в голове слова бородатого. Пытаюсь вспомнить, кто я. Но кроме того, что меня зовут Яна, – ничего. Провал. Пустота. Стою на краю пропасти, и одиночество скулит в моём сердце, как побитая собака. Сергей берёт меня под руку и помогает встать с лавочки.

– Я не пойду туда. – Хватаюсь рукой за спинку, слёзы отчаяния застилают мои глаза.

– Ян, ты справишься.

Сил сопротивляться рослому мужчине нет. Послушно иду за ним.

Проходит несколько дней, и я постепенно прихожу в себя. Благодаря тому, что Сергей дежурит всё это время и не пичкает меня таблетками, моё сознание проясняется. Рёбра потихоньку заживают.

– Выходим на завтрак, – слышу знакомый голос Фашист-

ки.

«Началось!»

Моя соседка, подпрыгнув как ошпаренная, подлетает к двери и нетерпеливо пляшет возле неё, ожидая, когда отойдет. Дверь открывается, и Ведьма, выскочив, бежит по коридору, громко шаркая тапочками.

Я неспешно и очень аккуратно накидываю халат. Опираясь рукой о спинку кровати, медленно встаю. Иду в столовую.

Моя компания уже в сборе. Бритва исподлобья наблюдает за Фашисткой, стоящей у входной двери. Я наблюдаю за Бритвой. Иногда мне кажется, что она притворяется больной и что на самом деле эта женщина вполне нормальная. Тогда зачем она здесь?

– Как себя чувствуешь? – Вопрос впивается уколом яда прямо мне в сердце.

Узнаю этот мерзкий голос. Оборачиваюсь. Позади, нависая надо мной, стоит он – тварь, сломавшая мне рёбра. Я вздрагиваю. Уловив страх в моих глазах и заметив дрожь в теле, он расплывается в зловещей, самодовольной улыбке.

В этот момент внутри меня что-то обрывается. Страх сковывает тело. Смотрю на Маньяка и не могу произнести ни слова. Он переводит взгляд на мои руки.

– Боец! – ухмыляется он, качая головой. Мои руки, сжатые в кулаки, лежат на столе. – Не напрягайся так сильно, а то рёбра заболят, – наклонившись, шепчет он мне в ухо.

«Это не человек. Это дьявол!»

Коля сидит, не шевелясь, уткнув взгляд в свою тарелку, боясь поднять глаза на эту сволочь. Я не могу вымолвить ни слова. Он победил, сломал меня. Я вся дрожу. Маньяк усмеяется и, распрямляя спину, идёт к выходу.

– Я убью его, – вдруг произносит Бритва низким, похожим на мужской голосом. В нём столько силы, ярости и холодной уверенности, что, кажется, она действительно может это сделать.

Перевожу взгляд на Бритву. Она продолжает спокойно есть свою кашу.

– Ты что-то сказала? – удивлённо спрашиваю, глядя на её невозмутимое лицо. Так и не дождавшись ответа, беру ложку и ем мерзость, что лежит у меня в тарелке.

На прогулке подхожу к Бритве, рисующей что-то палкой на песке. Присаживаюсь рядом с ней на корточки.

– Слушай, ты давно здесь? – тихо задаю вопрос.

Бритва медленно поворачивает голову и смотрит на меня пустым взглядом.

– Ясно, – вздыхаю.

– Я убью его, – повторяет она, медленно проводя большим пальцем по своей шее от уха до уха. В её глазах на мгновение вспыхивает огонь. Само зло из преисподней смотрит на меня. Чувствую, как мурашки расползаются по рукам, шее и голове.

– Я помогу тебе, – шепчу, наклоняясь к Бритве.

Значит, он и над ней издевался. От мысли, что Маньяк будет страдать или даже умрёт, на душе становится приятно. На лице Бритвы на секунду появляется слабая тень улыбки. И сразу гаснет. Она вновь погружается в свои размышления, продолжая водить палкой по песку.

После ужина, продолжая пребывать в мутном сознании, пытаюсь посчитать, когда Маньяк заступает на дежурство в наше отделение. Чтобы не забыть и не сбиться, карябаю ногтем побелку на стене за кроватью: «С» – три чёрточки, значит, Сергей дежурил три дня. Сегодня заступила «Ф» – Фашистка, она тоже будет работать три дня. Потом – «М». Меня всю передёргивает. Нужно как-то попасть в столовую и взять нож. Любой ценой.

Встаю, подхожу к Ведьме. Тормошу её за плечи. Долго не могу разбудить. Наконец она просыпается, садится и смотрит на меня недоумевающими сонными глазами.

– Слушай меня внимательно, – произношу с надеждой, что она хоть что-то соображает. – Завтра, когда зайдёт Фашистка, ты должна обнять её за шею очень крепко и держать. Это такая игра. Поняла меня? – Смотрю ей в глаза и медленно повторяю: – Когда Фашистка подойдёт и протянет таблетки, ты кинешься ей на шею, вот так, – обнимаю Ведьму за шею, притягиваю к себе и крепко держу. – Поняла?

Отпускаю. Та машет головой и снова укладывается, отвернувшись лицом к стене. Спустя две минуты она уже храпит. В этот момент я сама себе кажусь смешной и жалкой: «На-

шла подельника!»

На прогулке застаю Бритву за тем же занятием, что и вчера. Присаживаюсь рядом с ней на корточки. Та, не обращая на меня никакого внимания, продолжает рисовать круги на песке. Хочу спросить, за что она хочет убить Маньяка, подвергалась ли она насилию со стороны этого монстра. Но не решаюсь заговорить с ней об этом. Немного посидев рядом, возвращаюсь на лавочку. Тревожно. В таком состоянии сложно собраться с мыслями.

Из коридора доносится приближающийся к палате знакомый стук каблучков.

– Сегодня играем в обнимашки! – тихо напоминаю Ведьме.

Та, вскакивает и хлопает в ладоши, как маленькая девочка, которой дали конфетку.

«За конфетку она бы задушила эту тварь!»

– Как дела, дорогуша? – улыбаясь, спрашивает Фашистка.

Меня выворачивает наизнанку от этого слова «дорогуша». Ничего не отвечая, беру протянутые мне таблетки. Кладу себе на язык, запиваю водой. Фашистка заглядывает мне в рот, а я заглядываю в её правый карман, где лежит связка ключей. Она подходит к Ведьме и протягивает таблетки. Ведьма берёт их, быстро запикивает себе в рот, вскакивает с кровати и повисает на шее Фашистки. От неожиданности та роняет стакан с водой на пол и пытается освободиться от объятий. Я грациозно соскальзываю с кровати и незаметно,

как бывалый карманник, двумя пальцами вытаскиваю ключи. Вернувшись на место, кладу их себе под подушку.

На крик прибегает Василий – верный слуга и оруженосец. С размаху наносит удар резиновой дубинкой Ведьме по почкам. Та, взвизгнув от боли, отпускает шею Фашистки и, скуля, отползает в дальний угол кровати. Василий размахивается, чтобы ещё раз ударить, но я останавливаю его криком.

– Убивают! – ору на всё отделение

Он опускает свой «воспитательный инструмент» и скрывается за дверью. Через несколько секунд появляется уборщица с совком и веником.

Пока уборщица сметает осколки стакана в совок, Фашистка, зло оглядывает нас по очереди, тяжело дыша. Затем молча выходит. Слышу, как удаляются её шаги.

– Ты молодец! – Показываю Ведьме большой палец, поднятый вверх.

Она пытается улыбнуться, но в её глазах я вижу страх и боль. Она ещё долго сидит в одном положении, прижавшись к стене, потирая свой бок и боясь пошевелиться.

Теперь Василий появится только вечером, чтобы запереть двери. Ключи до этого момента нужно вернуть.

Выглядываю из-за двери. Всё тихо. Возвращаюсь и достаю ключи из-под подушки. На связке их всего пять: четыре от палат, один от столовой. Значит, от двери, которая ведёт в следующее отделение, ключ где-то в другом месте. Это хорошо, иначе бы уже хватились пропажи. На ключах от палат

номера нанесены красной краской. Один ключ без надписей. Быстро иду по коридору. На посту никого нет. Подхожу к двери столовой, достаю из кармана ключи. Руки трясутся, таблетки начинают действовать. Роняю связку на пол. Звон бьющихся о кафель ключей оглушает меня. Сажусь рядом с дверью и, зажимая уши руками, зажимаюсь.

«Всё. Теперь они точно меня убьют!»

Спустя некоторое время открываю глаза. Я по-прежнему в коридоре одна. Быстро вставляю ключ в замочную скважину, поворачиваю, вхожу в столовую и прикрываю за собой дверь.

Работники кухни уходят после обеда. Ужин, чаще всего состоящий из кефира и галетного печенья, нам выдаёт дежурный. Крадусь по залу, стараясь не шуметь. Захожу на кухню. Всё убрано, никакой утвари. Подхожу к столу, дёргаю ящик – заперто на ключ. Сдерживаю крик отчаяния, готовый вырваться из моего горящего от досады горла. Дыхание учащается. Сердце стучит в висках.

«Всё зря!»

Ещё раз пытаюсь открыть ящик. Ещё, ещё. Продолжаю дёргать этот долбаный ящик, а по щекам текут слёзы. Меня начинает качать из стороны в сторону, всё плывёт перед глазами. Зажимаюсь и бью себя ладонями по щекам. Открываю глаза.

«Соберись! Где может быть ключ от этого ящика?»

Пытаюсь сконцентрироваться на этом вопросе. Открываю дверцы шкафов одну за другой. Шарю руками по пол-

кам. Мне попадаютя кастрюли, посуда, крупы в мешках, вазочка. Стоп! В ней что-то лежит. Опускаю руку в стеклянную вазочку с нарисованными вишенками, неглубокую, вроде той, что для конфет. Достая небольшой ключик.

«Что я здесь делаю?» – верчу ключик в руке, но не могу вспомнить. Осматриваю кухню. Взгляд упирается в закрытый ящик стола. Подхожу и, качаясь, пытаюсь вставить ключ в замок. Сначала не получается. Присаживаюсь на корточки, делаю ещё пару попыток – ключ поворачивается. Встаю, выдвигаю ящик. Внутри: ножи, топорик, молоток. Всё это хранится под замком. Достая маленький складной нож, завалявшийся на самом дне. Им точно не пользуются, а значит, никто его и не хватится. Закрываю ящик на ключ, возвращаюсь к открытым дверцам шкафов. Шарю глазами.

«Вот она, с вишенками!»

Бросаю ключик обратно в вазу, закрываю всё, как было, и ещё раз оглядываюсь. Голова кружится и плохо соображает. Главное – не вырубиться именно сейчас. Возвращаюсь, закрываю столовую. Украденную связку ключей вешаю на стенд у поста. Зайдя в палату, прикрываю за собой дверь и ложусь на кровать. Достая нож из кармана и кладу под матрас.

Глава 4

Открываю глаза. На прикроватной тумбочке противно пищит электронный будильник, мигая зелёными цифрами: семь тридцать. Мои руки скрещены на груди, а пальцы вцепились в плечи. Как будто я пытаюсь защититься от чего-то невидимого. Шея напряжена, зубы стиснуты.

«Да выключи его!» – раздражённый сонный голос мужа заставляет меня вздрогнуть, возвращая мысли в реальность.

Тянусь к будильнику и нажимаю кнопку. Поворачиваюсь к ворчуну:

– Я на работу.

– Угу. Я тоже сейчас встаю, милая, – говорит Матвей, зевая. – Ты не забыла? Сегодня приезжает твой отец.

– Отец? Дорогой, ты что-то путаешь. Он же был вчера.

– Он был вчера? – Приподнимаясь и опираясь на левый локоть, муж внимательно смотрит на меня. Повисает пауза.

– Что? Разве нет?

Мои рёбра сжимаются. В памяти мгновенно всплывает человек на мотоцикле, и... Я в ужасе вскакиваю с кровати, как ошпаренная. Поднимаю майку, смотрю на свой живот, трогая его руками. Выдыхаю:

«Господи! Какое облегчение. На мне нет никаких дыр от пуль».

В растерянном взгляде мужа читается вопрос.

– Объясни, милая. Что случилось? – его голос звучит настороженно. Откидывая одеяло и вставая, Матвей подходит и заключает меня в объятия. – Тебя всю трясёт, любимая. Ты заболела? – Он бережно касается моего лба своей ладонью. – Температуры вроде нет.

– Не знаю. – Отстраняюсь и иду в ванную.

По пути останавливаюсь возле зеркала и всматриваюсь в своё отражение. На меня смотрит бледное, испуганное лицо.

Принимая душ, я в деталях вспоминаю весь вчерашний день. Затем сон, снившийся всю ночь: психушка, Маньяк, Бритва.

– Я могу отличить сон от реальности! Я не схожу сума! – возмущённо повышаю голос на Матвея, который, выслушав меня за завтраком, после долгого молчания, пытается убедить, что всё это мне приснилось: и психушка, и день рождения отца, и мотоциклист, и моя смерть.

Не окончив завтрак, бросаю вилку на стол.

«Я не сумасшедшая!»

Вскакиваю, хватаю сумку, ключи от машины и выбегаю на улицу. Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь от возмущения и тревоги.

«Что со мной происходит? Я же не сумасшедшая! Так больно и обидно, когда самый близкий человек не верит тебе».

Опираюсь спиной на колонну, поддерживающую балкон второго этажа. В сумке звонит телефон.

– Ян, ты где? – Голос Павла звучит раздражённо.

Вскидываю руку, смотрю на часы: восемь тридцать.

«Опять опаздываю на работу».

– Я еду, – отвечаю резко и кратко. Отключаю телефон и иду к машине.

Ровно в девять забегаю в отделение. Возле дежурного толпится народ. Киваю ему и, пробегая мимо, замедляюсь.

«Стоп. Я уже видела этих людей».

Останавливаюсь, всматриваюсь в лица. Дежурный приветственно кивает в ответ.

«Что за бред?»

Медленно иду по коридору, растерянно оборачиваясь на толпу.

– Ты, как всегда, Трость, – вставая из-за стола, кидает обиженно Павел и выходит из кабинета.

Это становится последней каплей. Я срываюсь и кричу ему в спину:

– Что? Что я опять не так сделала? Вечно ты всем доволен!

Выхожу следом за ним из кабинета и поднимаюсь на второй этаж. Меня колотит от ярости.

«Что за день такой? Сейчас меньше всего хочется видеть начальника с его нотациями. Павел тоже хорош!»

Дохожу до открытой двери кабинета Егрыза – так мы с Павлом между собой называем Егора Степановича. Павел мнётся на пороге. Я слегка подталкиваю в кабинет. Егрыз си-

дит, постукивая ручкой по столу. Значит, настроение у него плохое: сейчас начнёт пилить. Опережаю его: быстро здороваюсь, кидаю папку на стол и вываливаю всю информацию, что мы с Павлом выяснили накануне по текущему делу.

Паша садится за стол напротив меня. По мере того как я зачитываю рапорт, глаза напарника становятся всё шире. На его лице читается полное недоумение.

– Ну вот, можете же, Трость! – Лицо Егрыза, напротив, расплывается в довольной улыбке. – Сейчас же выезжайте!

Я встаю из-за стола, беру свою папку и направляюсь к выходу. Павел догоняет меня на лестнице, хватая за плечи и резко разворачивает.

– Ты мне объясни, пожалуйста, Трость, что это было сейчас? – На лице напарника застывает неподдельное удивление.

– Что? Не понимаю тебя. Я рассказала всё, что мы с тобой вчера выяснили. И ещё, у меня есть к тебе вопрос по поводу вчерашнего вечера. Только давай вернёмся в наш кабинет.

Я быстро сбегая по лестнице. Зайдя, бросаю папку на стол и подхожу к окну.

«Лавочка с кормильцем птиц не появилась».

– Я тебя внимательно слушаю, коллега! – Горин садится, закидывает ногу на ногу, скрещивает руки на груди.

Выражение его лица вызывает у меня смех.

«Высокомерный болван!»

– Что ты ржёшь, Трость? Я разве что-то смешное сказал?

Может, у тебя просто крыша поехала?

«Последний вопрос прозвучал обидно».

– Что из того, что я докладывала Егрызу, тебе непонятно?
– спрашиваю уже серьёзно.

– Мне всё непонятно. Мы вчера с тобой ничего не обсуждали! Я тебя даже не видел вчера!

Павел говорит с возмущением, а я стою в оцепенении. Видимо, мой растерянный вид его тревожит. Он встаёт, подходит к окну и берёт меня за руку.

– С тобой всё в порядке, Ян? – голос напарника смягчается. Большим пальцем он гладит костяшки на моей сжатой в кулак руке.

Я не могу прийти в себя. В голове звучит его последняя фраза: «Я тебя даже не видел вчера!»

– Паша, открой мою папку и посмотри вчерашние записи, – говорю еле слышно. – Неужели... – Я опускаю голову и наблюдаю за его пальцем на своей руке.

Павел аккуратно отпускает меня, подходит к столу и открывает папку. Несколько секунд он листает, пытаясь найти записи за вчерашний день.

– Ты издеваешься надо мной? – с силой захлопывая папку, обиженно спрашивает напарник, глядя прямо мне в глаза.

– Нет. – Меня мутит, ноги ватные. До меня начинает доходить, что в папке нет никаких записей и Матвей прав. Неужели всё это приснилось? – Я сейчас тебе всё объясню, – подвигаю стул и сажусь рядом с напарником.

– Может, тебе отпуск взять, Ян? – выслушав меня, после короткой паузы предлагает Горин.

– Я не понимаю, что происходит, – говорю дрожащим голосом, стараясь собраться с мыслями.

Павел достаёт телефон и набирает номер:

– Черти! Никто трубку не берёт! Ты за рулём? – Кладёт телефон в карман и встаёт.

– Да, а что? – смахиваю со щеки незаметную слезу.

– Работаем, Яна! – ободряюще вскрикивает он, поднимая меня со стула, и тащит за локоть к выходу.

– Куда едем? – Поворачиваю ключ зажигания и вопросительно смотрю на Павла.

– Осмотрим место преступления ещё раз. Может, что-то упустили.

– Хорошо. Потом едем ко мне. Нужно приготовить ужин. Папа приезжает сегодня.

– Давно не видел твоего отца. Как он?

– Да, блин! – взвизгиваю и в бешенстве бью ладонями по рулю. Понимаю, что всё это уже было. Но как это объяснить? Как это воспринимать? Чувствую дрожь по всему телу.

– Я что-то не то сказал? – тихо спрашивает напарник.

– Дежавю! Я не понимаю, что мне делать с этим. Не понимаю, Паша! Услышь меня, пожалуйста! У меня такое ощущение, что я стою в переполненной людьми комнате, зная, что сейчас всё взорвётся к чёртовой матери. Кричу об этом, но меня никто не слышит! Мне никто не верит! – голос над-

ламывается от крика.

Я замолкаю, уткнувшись лбом в ладони на руле.

«Возьми себя в руки. Сейчас всё пройдёт. Есть же всему происходящему какое-то разумное объяснение».

– Куда ты звонил? – спрашиваю, немного успокоившись.

– В лабораторию, – отвечает Павел, косясь на меня.

– Жди здесь! – Выхожу из машины и бегу в лабораторию, которая находится через дорогу от нашего участка.

– Куда ты? – слышу вопрос Горина, но не отвечаю, уже перебегая дорогу.

Прохладный воздух и запах реагентов, смешанный с ароматом кофе, встречают меня в кабинете Эдика.

– У меня обед, – раздражённо произносит он дежурную фразу и кладёт на пластиковую тарелку перед собой огромный бутерброд.

– Привет, Эдик. Это я! – улыбаюсь и, игнорируя «стоп-слово», подхожу к нему. – Я быстро! Мне бы узнать про грязь с ботинок.

– Да вам всем быстро! – возмущается он, но, вытерев руки о халат, всё-таки лезет в компьютер.

Прожевав, Эдик тихо сыпет проклятия себе под нос, так чтобы я не слышала. Меня всегда это умиляет. Смешной, невысокого роста, полноватый Эдик хочет казаться очень деловым. Но у него это совершенно не получается, поэтому его стремление выглядит комично.

«Хомяк!»

Принтер включается и начинает громко печатать отчёт. С замиранием сердца жду, когда выйдет весь лист. Как только документ оказывается в лотке, хватаю его и жадно вчитываюсь в текст.

Внутри, откуда-то из живота, поднимается волнение. Я не понимаю, нужно ли мне сейчас радоваться или наоборот. Рада одному: я всё-таки не сошла с ума, и документ это подтверждает.

– Спасибо, ты лучший! – чмокаю «хомяка» в лоб и, выбегая из лаборатории, несусь со всех ног обратно к машине.

Садясь в машину, протягиваю листок Павлу и внимательно за ним наблюдаю.

– Я не сумасшедшая! – заключаю с довольной улыбкой, когда он дочитывает отчёт.

– Я, значит, сумасшедший? И ничего не помню? – В его растерянности есть что-то пугающее.

– Нет, Паша. Нам нужно разобраться, что вообще происходит.

– Я вчера был дома, немного приболел. Мы с тобой точно не пересекались. К Эдику я не ходил и не звонил. Откуда ты тогда знаешь о том, что написано в экспертизе? – Горин смотрит на меня с подозрением. – Ты сама звонила вчера Эдику? Так?

– Клянусь тебе, Паша, – произношу медленно, глядя на парнику в глаза, чтобы у него не возникло никаких сомнений в моих словах. – Я не звонила, не приезжала к Эдику и

даже голубей ему не посылала. Клянусь!

– Тогда как ты об этом узнала? – Павел повторяет за мной так же медленно, точно подражая.

– Я уже рассказала тебе в кабинете, как всё было!

Мы продолжаем препираться, выпучив глаза друг на друга, словно два болвана. Горин замолкает и отворачивается.

– Что будем делать? – вздыхаю, глядя на него.

В этот момент в сумке начинает звонить телефон. Номер незнакомый.

– Слушаю!

– Дочка, привет. Утром не смог до тебя дозвониться. У вас всё в порядке? Я сегодня приезжаю, как договорились?

– Папа? Да, папуль, привет! С днём рождения, родной! – растерянно смотрю на Павла. Он смотрит на меня.

Дальше я почти не слышу, что говорит отец, отвечаю коротко: «да», «нет», «хорошо». Пытаюсь принять происходящее. Закончив разговор, убираю телефон в сумку.

Говорить дальше сложно. Мы молчим. О чём думает мой напарник, нетрудно догадаться. Да и я уже начинаю сомневаться в собственной вменяемости.

– Паша, давай так. Сейчас я еду за продуктами, потом домой. Ты приезжаешь к нам к 19:00 на ужин. Дальше будем действовать по обстоятельствам. Ствол не сдавай, – смотрю на него серьёзно.

– Понял! Буду у тебя к семи, – отвечает напарник, выходя из машины. Он знает этот мой взгляд и понимает, что я

сейчас не шучу и не притворяюсь. Дело действительно очень серьёзное.

Завожу мотор и по дороге в магазин пробую мыслить логически.

«Первое: я каким-то образом вернулась во вчерашний день. Бред, но это факт. Почему? Второе: психушка – это сон или нет? Третье: кто хочет меня убить? Чтобы во всём разобраться, нужно: сегодня не умереть и выяснить личность стрелка».

– Столько вопросов и ни одного ответа, – бормочу себе под нос, заезжая на парковку супермаркета.

Горин приезжает на час раньше назначенного времени.

– Хочешь помочь мне с салатом? – спрашиваю, усмехаясь и закрывая за ним входную дверь.

– Нет. У меня другое к тебе предложение.

– Я заинтригована! – Возвращаюсь к столу и нарезке огурцов.

– Ян, давай-ка прикинем, кто может желать тебе смерти. Начнём с тех, кого ты посадила, – предлагает Павел, доставая из своей сумки дела и садясь рядом со мной за стол.

– Это здравая мысль! Значит, ты мне веришь? – Смотрю на него испытывающим взглядом.

– Я же не сдал оружие и притащил сюда эти документы.

– Да, я вижу, – перевожу взгляд на кобуру на его поясе.

– Это значит «да»?

– Я должен ответить на этот вопрос?

– Для меня это важно.

– Скорее «да», чем «нет».

– Хорошо. Меня устраивает такой ответ, коллега, – улыбаюсь, чувствуя, как внутри становится чуть спокойнее от присутствия его крепкого плеча рядом.

– А где Матвей? – спрашивает Паша, открывая первое дело.

– Скоро придёт. Что здесь у нас? – Заглядываю в папку.

– Плющев? Точно, он та ещё сволочь. Убил свою сожительницу и её восьмилетнюю дочь. Тяжёлое дело.

– Нет, этот вряд ли. Во-первых, он ещё сидит, а во-вторых, такие, как он, чаще всего ссыкуны. На рожон не полезут.

– Согласна с тобой. Давай дальше.

Из духовки тянется аромат запекающейся рыбы. Павел смотрит на меня голодными, почти умоляющими глазами:

– Ян, дай что-нибудь пожевать!

Я засовываю ему отрезанную дольку огурца в рот.

– Не отвлекайся, времени у нас немного.

– Когда это должно случиться? – спрашивает напарник, прожевав огурец.

– Где-то около полуночи, точнее не скажу.

Горин машинально трогает рукой оружие в кобуре.

– Поехали дальше. Самойлов Степан Андреевич, он же Стрекоза. Он из банды Ермолова: грабежи, наркота, проститутки, вымогательства. Полный комплект.

– Да, он человека до смерти забил. Наглый и безжалостный. Угрожал мне на допросах, между прочим. – Заглядываю в дело. – Он что, уже вышел?

– Вышел по УДО. Ермолов, видимо, постарался. Так бы тянуть ему десятку.

– Думаешь, он может? – Встаю, чтобы вынуть горячее из духовки.

– Думаю, да, – выписывая данные Самойлова себе в блокнот, сухо отвечает Паша.

– Вкусно у вас здесь пахнет! – говорит Матвей, входя в кухню и протягивая Павлу руку.

– Твоя жена морит меня голодом, – отвечает Горин, пожимая ему руку, и достаёт следующее дело.

– И заставляет работать? – смеётся Матвей, подходя ко мне. Виновато улыбается и прижимается своими губами к моим губам. – Привет, любимая.

– Привет, любимый, – шепчу в ответ, давая понять, что я не обижаюсь на него за утреннее недопонимание.

– Выпьём? – доставая из холодильника виски и лёд, муж обращается к Павлу.

– С удовольствием! Еду в этом доме мне не дают, дайте хоть выпить!

– Паша, не отвлекайся. – Присаживаюсь рядом с напарником. Матвей ставит перед ним стакан с выпивкой.

– Милая, не буду вам мешать. Если что я в кабинете.

– «Милая», – передразнивает его Горин. – Вы всегда так

общается?

– Как «так»? – внимательно смотрю на Павла.

– Как в кино. Слишком правильно, неестественно.

– Ты просто завидуешь нашему счастью, – смеюсь, слегка толкая его плечом. – Как у тебя, кстати, с твоей... как её? – щёлкаю пальцами, пытаюсь вспомнить имя его последней девушки.

– Неважно. Пупок, – бурчит Паша.

– Чей пупок? О чём ты?

– Ян, давай работать. Пупок – это Пупков Фёдор Николаевич. Работает с цыганским бароном. Ты посадила его за су-тенёрство три года назад.

– Да, помню его. Там ещё среди проституток были совсем юные девчонки. Ужас.

– На этом всё. Остальные так, мелочь пузатая.

– Значит, у нас два кандидата. Уже что-то. Нам нужно допросить этого мотоциклиста.

– Допросить, – усмехается Павел. – Пусть он сначала придет. Я пойду, покурю.

«Всё-таки он мне не верит до конца. Я бы на его месте тоже не поверила».

Этот странный вечер, кажется, никогда не закончится: те же разговоры, те же шутки. Только мне совсем не до смеха. Во время ужина я поглядываю то на часы, то на Павла, стараюсь при этом выглядеть непринуждённо. Напарник пьёт мало, но я замечаю, что он нервничает и крайне немногословен

в беседе с отцом и Матвеем. Да и мои нервишки тоже пошаливают. Но я хотя бы это умело скрываю.

За окном темнеет, вечер обещает прохладу. Матвей, изрядно выпивший и захмелевший, за ужином несёт какую-то чушь и всё время смотрит в телефон. Обычно муж ограничивается несколькими бокалами. Его поведение кажется мне несколько странным.

После чая отец сообщает, что ему сейчас нужно заехать на работу. От мысли, что лаборатория заменила ему дом и там он чувствует себя лучше, чем в пустой квартире, становится грустно. Муж вызывает папе такси. Затем невнятно бормочет: «Пойду прилягу». Пошатываясь, прощается с гостями и поднимается в спальню. Переглядываемся с папой. Оба недовольно качаем головой.

Когда за окном мелькают огни фар, отец поднимается из-за стола, берёт пиджак.

– Вот и машина приехала. Ну что, родная, провожай меня, – говорит папа, подмигивая мне.

Как только отец выходит из дома, Горин хватает меня за руку и еле слышно шепчет:

– Там у вас возле забора справа есть овраг. Ты роняешь отца туда и занимаешь позицию. Я страхую сзади. Главное – взять стрелка живым.

– Поняла. – Вытаскиваю пистолет из-за ремня.

Спешно догоняю папу и перехватываю его возле калитки, пряча оружие за спину. Вечер тихий, даже слишком, лишь

издалека доносится лай собак. Паша выходит следом. Проверяет, чтобы Матвей остался в доме, и тихо закрывает калитку.

Такси подмигивает фарами, ожидая на дороге.

С диким рёвом из-за поворота вылетает мотоциклист и на скорости несётся прямо к нам. В его руке автомат, он открывает огонь. Я толкаю отца в овраг и, прицелившись, насколько это возможно в потёмках, стреляю в приближающегося врага. Паша лежит на другой стороне тропинки в цветах и палит по мотоциклисту.

Человек с автоматом с криком слетает со своего железного коня и приземляется в нескольких метрах от нас. Мотоцикл, пролетев мимо, с грохотом врезается в калитку.

– Все живы? – кричит напарник из своего укрытия.

Я поворачиваюсь к отцу. Тот лежит без движения, уронив голову на землю.

– Пап? – Приподнимаюсь и переворачиваю тяжёлое тело отца. Его белая рубашка заплывает кровью.

– Паша, вызывай скорую помощь! Скорее! – пытаюсь нащупать пульс на шее отца, повторяю: – Господи, пожалуйста, только не умирай. Господи!

Слёзы текут по щекам. Едва уловимый пульс выводит меня из панического состояния. На секунду я чувствую облегчение.

Павел, вызвавший скорую помощь, сидит у лежащего на асфальте тела мотоциклиста. Мне кажется, что проходит це-

лая вечность, прежде чем я слышу характерный звук приближающегося автомобиля скорой помощи.

Мы выезжаем следом на моей машине. За рулём Горин. Мчим по шоссе. В душе пустота. В голове картина похорон отца. Перед глазами мелькают картинки его окровавленной рубашки и безжизненного лица в моих руках.

«Я не переживу этого...»

– Он выкарабкается! – прерывает молчание напарник, будто читая мои мысли.

Я ничего не отвечаю. Понимаю, что ранение тяжёлое. Большая потеря крови, возможно, задеты жизненно важные органы.

В больнице мы проводим всю ночь. Наш «стрелок» погиб на месте. Отец проводит несколько часов на операционном столе, но ранение оказывается несовместимым с жизнью. Я стараюсь держаться, когда хирург, взяв меня за руку, сообщает о смерти папы.

Паша куда-то всё время звонит, с кем-то ругается по телефону, чего-то требует. Мне всё равно. Моя жизнь осталась там, в овраге. Внутри лишь чёрная дыра, что засасывает меня без остатка. К этому добавляется жуткая усталость. Меня пугает, что я не плачу. Нет выхода этому состоянию. Всё запечаталось внутри, запеклось. Но когда-то эта лавина прорвётся наружу.

– Ян, давай я отвезу тебя домой. Поспишь пару часов, и поедem выяснять, кто этот стрелок.

– Нет. Я должна увидеть того, кто убил моего отца. Он погиб из-за меня.

– Поспишь два часа, и поедем. Я пока попытаюсь выяснить личность стрелка.

Мои глаза закрываются. Голос Павла отдаляется. Всё кружится и гаснет.

Глава 5

Рука затекла так, что я её не чувствую. Слюна присохла к щеке. Пытаюсь перевернуться с живота на бок. Противный хрюкающий смех заставляет открыть глаза. Всё моё тело напрягается.

«Маньяк дежурит сегодня».

Пытаюсь вспомнить что-то важное, но память упрямится и выдаёт лишь страшные эпизоды избиения этим животным. Рёбра всё ещё болят. Приподнимаюсь.

Утро. Кажется, я так давно не ощущала радости рассвета. Солнечный лучик, заскочивший в окно, припадает к моим босым ногам, как верный пёс, и греет. На пол падает тень решётки, напоминая мне о тюрьме, в которой я непонятно как оказалась. Кто упрятал меня сюда? А главный вопрос – зачем? Кому выгодно, чтоб я сгнула с лица земли? Кто заживо схоронил меня в этом склепе? Меня предали? Почему? За какие такие прегрешения?

Вставать с постели совсем не хочется. Уснуть бы и больше не просыпаться в этом аду.

Соседка уже топчется у двери, ожидая, когда её откроют. Слышу щелчок замка. По инерции зажимаю рукой халат на груди и, нацепив тапки, встаю с кровати. Сердце колотится. В приоткрытую дверь заглядывает до боли знакомое лицо. Ведьма шарахается и пятится назад.

– На выход! – с противной улыбкой, не сводя с меня взгляд, кричит Маньяк, продолжая стоять в дверях. Его глаза дьявольски сверкают.

Делаю неуверенный шаг вперёд. Соседка, прячась за моей спиной, обеими руками цепляется за халат. Немного помедлив, двигаюсь дальше. Поравнявшись с Маньяком в дверном проёме, встречаюсь с ним глазами и понимаю: он не отступится.

Схватив меня одной рукой за талию, а другой за волосы на затылке, он рывком притягивает меня к себе и прижимается своим противным ртом к моим губам. Я машинально вскидываю колено и попадаю ему прямо между ног. Вырываюсь и выбегаю из палаты. Ведьма так и тянется паровозиком, вцепившись в мой халат. Согнувшись и простиная проклятия мне вслед, пострадавший плетётся за нами в столовую.

Бритва и Коля уже сидят за столом. Присаживаюсь рядом, вытирая губы рукой. Мысль о противном слюнявом Маньяке вызывает тошноту.

Бритва внимательно на меня смотрит.

– Что? – спрашиваю тихо.

Не отвечая, она отворачивается к своей тарелке и берёт ложку. Меня осеняет: нож! Вот что я пыталась вспомнить.

«Я же добыла нож!»

– Поговорим на прогулке, – шепчу, наклоняясь к ней.

Бритва еле заметно кивает в ответ.

«Нет. Она не сумасшедшая, это точно. Нужно выяснить,

зачем ей весь этот цирк».

Немного отстав от соседок, иду, задумавшись, по коридору. Вспоминаю, что нож я перепрятала за деревянный плинтус под кроватью. Он от старости разошёлся и отошёл от стены, и зазора как раз хватило, чтобы спрятать небольшой предмет.

Вдруг кто-то больно хватает меня за волосы и рывком тащит по полу в обратном направлении. Я хватаюсь за руку напавшего и пытаюсь подняться. Я знаю, кто меня тащит, и с ужасом догадываюсь о том, что меня ждёт.

Маньяк затаскивает меня в палату и швыряет на кровать. Удар кулаком в лицо. Резкая боль. Тьма.

Прихожу в себя. Болит и горит огнём скула. Хочу дотронуться до щеки, которая ощущается распухшей, но руки связаны за спиной.

Тусклый свет лампочки не позволяет нормально разглядеть помещение. Глаза режет. Голова раскалывается.

«За что мне всё это?»

Пахнет сыростью. Сажусь на полу, прислонившись к холодной стене. Ноги вытянуты вперёд и тоже связаны верёвкой. С трудом поворачиваю голову. Рядом из ржавой трубы капает вода, образуя небольшую лужицу.

Наверное, я в подвале. Напротив, возле стены, метрах в пяти, навалены коробки.

«Как долго я здесь нахожусь? Сколько времени я была без сознания? Никто ведь и не спохватится. Разве что Бритва...

Только она ждёт меня на прогулке».

Голова чугунная. Соображать не получается, а действовать надо – только сил нет совсем. Согнув ноги в коленях и упираясь руками в пол, пытаюсь подняться на ноги. Руки трясутся.

«Долбанные таблетки! Никогда больше не буду глотать эту отраву!» – цежу сквозь зубы, снова пытаюсь встать.

Слышу скрип открывающейся двери. В последний момент мне всё-таки удаётся подняться, и я вжимаюсь спиной в стену. Замираю. Страх расплзается по моей голове жуткими мыслями, парализуя тело.

В дверях появляется Маньяк. Останавливается в паре метров от меня и, наклонив голову вбок, разглядывает, как хищник жертву. На его лице появляется довольная ухмылка.

Медленно подходя ко мне, он произносит:

– Теперь давай поиграем.

Схватив меня за плечи, он разворачивает лицом к стене и прижимается сзади всем телом.

– Будешь смирной и послушной девочкой – получишь удовольствие. А если нет... – недоговаривает и суёт свой поганый язык мне в ухо, тяжело дыша. Руками стягивает с меня штаны вниз.

Он наклоняет меня вперёд, но тут же резко вскрикивает и с грохотом падает у моих ног.

Поворачиваюсь. Бритва стоит в метре от меня, сжимая в руке кусок железной трубы. Через мгновение бросает её на

бетонный пол.

Подойдя ближе, Бритва натягивает на меня штаны. Высокая и сильная, она присаживается, перекидывает меня через плечо и тащит вверх. Мы действительно в подвале, прямо под нашим отделением. Выходим через подсобку. Бритва заносит меня в палату и кладёт на кровать. Остальные пациенты всё ещё на прогулке.

– Под кроватью, за плинтусом, нож, – говорю, кивая в нужное место.

Она достаёт нож, освобождает меня от верёвок и садится рядом.

– Нам нужно незаметно выйти на улицу. – Её монотонный голос звучит очень спокойно.

Затем она прячет нож в лифчик, собирает верёвки с пола и, покинув палату, выбрасывает их в мусорный бак в туалете. Я следую за ней. Приоткрываю дверь и выглядываю. Помощник Маньяка увлечённо беседует со своей коллегой, молодой санитаркой: высокой стройной блондинкой лет тридцати.

«Ну конечно, это куда интереснее, чем следить за психами... Но нам это только на руку».

Медперсонал находится примерно в десяти метрах от двери. Коля замечает меня и, расплываясь в улыбке, машет рукой. Я, отрицательно качая головой, прикладываю указательный палец к губам.

– Тссс, только не сдай нас! – шепчу напряжённо.

Он, конечно, не слышит, но, как ни странно, сообража-

ет. Развернувшись, бежит к Ведьме и, схватив её за плечи, начинает трясти изо всех сил. Ведьма визжит, как поросёнок, и пытается отбиться. Помощник и санитарка реагируют мгновенно: подбегают и отдирают разбуянившегося Колю от Ведьмы.

Мы, пользуясь моментом, проскальзываем мимо и направляемся к месту, где Бритва обычно проводит время на прогулке. Сажусь прямо на песок рядом со своей невозмутимой спасительницей. Через минуту дыхание выравнивается.

– Почему ты здесь? – спрашиваю у неё, когда немного прихожу в себя.

– Не твоё дело, – отвечает она, глядя мне в глаза совершенно другим взглядом: осознанным, ясным и леденящим душу.

Вздыхаю и отворачиваюсь. Бритва ответила так, что задавать этот вопрос ещё раз больше не хочется.

– Почему ты спасла меня?

– Ты мне нравишься. Спасибо за нож.

– У тебя с ним счёты? – Смотрю в упор. Знаю, что она не ответит, но я всё пойму по её глазам.

Ни один мускул не дрогнул на каменном лице Бритвы. Глаза не вспыхнули яростью. Выдержав паузу, она говорит только одно:

– Ты слишком любопытная. Он скоро очнётся. Нам нужно быть аккуратнее. Уходи.

Я понимаю: Бритва не хочет, чтобы маньяк увидел нас

вместе. Он может догадать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.